

Издается по решению Научно-методического совета Крымского центра гуманитарных исследований от 26 июня 2012 года, протокол № 06

УДК 821.161.1-82 Ахматова
ББК 83.3(2=Рус)7-84 Ахматова

д.ф.н., проф. **В. П. Казарин** (главный редактор), д. филос. н., проф. Д. С. Берестовская, д.ф.н., проф. Г. Ю. Богданович (заместитель главного редактора), д.ф.н., проф. Л. М. Борисова, д.ф.н., проф. В. И. Гуменюк, к.ф.н., доц. Г. А. Зябрева, д.ф.н., проф. О. Л. Калашникова, к.ф.н. доц. И. В. Александрова (ответственный секретарь), д.ф.н., проф. А. М. Меметов (заместитель главного редактора), д.ф.н., проф. М. А. Новикова, к.ф.н., доц. И. В. Остапенко, д.ф.н., проф. А. Д. Петренко (заместитель главного редактора), д.ф.н., проф. Ю. Ф. Прадид (заместитель главного редактора), д.ф.н., проф. А. А. Ховалкина, д.ф.н., проф. А. М. Эмирова, к.ф.н., доц. Ш. Э. Юнусов, д.ф.н., проф. Т. А. Ященко

Составитель и научный редактор сборника –
к.ф.н., доц. **Г. М. Темненко**

Видання внесено в перелік фахових видань філологічних наук з літературознавства (Постанова ВАК України № 1-05/6 від 02.07.2008).

Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник / Сост. и науч. ред. Г. М. Темненко. – Вып. 10. – Симферополь: Крымский Архив, 2012. – 248 с.

Научный сборник содержит статьи, посвященные жизни и творчеству А. А. Ахматовой и поэтике Серебряного века.

Для специалистов-литературоведов, преподавателей, студентов-филологов, искусствоведов, работников музеев, для всех почитателей творчества А. А. Ахматовой.

Адрес редакции: 95007, Крым, Симферополь, просп. В. И. Вернадского, 4, Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, Крымский центр гуманитарных исследований.
Тел.: +38 (0652) 60-24-44, (ф.) 63-30-28. E-mail: crch@mail.ru

ISBN 978-966-422-037-9

© Крымский центр
гуманитарных исследований, 2012

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

УДК 82.09(045)

Тамара Жирмунская

СПАСИ ШМЕЛЯ

Апрель 1977 года... Еду с Тарковскими, Арсением Александровичем и Татьяной Алексеевной, на вечер памяти Анны Ахматовой. С нами – поэт Марк Максимов. Всю дорогу – анекдоты, забавные случаи из литературной жизни. Юрий Олеша, рассказывает Тарковский, однажды приехал в Малеевку (дом творчества писателей – Т.Ж.). Деньги на путёвку достал для него друг, продавший ради этого дорогой музыкальный инструмент. Все были счастливы: наконец-то Олеша сядет за работу... Но через два дня увидели его с чемоданом у выхода. «Меня давят эти колонны», – объявил Ю.О. и уехал. Максимов подхватывает: встретил Олешу в Елисеевском магазине. «Тс-с, – приложил тот палец к губам, – тут торгуют... трупами». У Марка глаза полезли на лоб: «Какими трупами?!» «Разве сыр – не труп молока?!» – на полном серьёзе отвечивал автор «Зависти» и брезгливо поморщился.

Едем на такси, и мне странно видеть за рулем не Татьяну Алексеевну, а какого-то незнакомого дядю. Обычно рулит она. По Минскому шоссе из Переделкина к Москве и обратно. По баковским и солнцевским (от Баковки и Солнцева) просёлочным дорогам в поисках магазинчиков, где можно купить недорогую дефицитную одежду. К станции – отовариться чем-то вкусным для гостей, себя и Арсюши.

...Мы уже въехали в черту города, миновали Рублевское шоссе. Прибудем в ЦДЛ часа за полтора до начала вечера. Вызванная к Дому творчества машина примчалась за нами как на крыльях. Такси недавно подорожали, многие – простаивают.

– Колёса должны крутиться, – говорит Марк Максимов, – иначе транспорт себя не оправдывает.

– Танюша, ты помнишь... – А.Т. называет неизвестное мне имя. – Вот кто был настоящим маньяком такси. В семье нищета, а он берёт авто, чтобы доехать от магазина до дому.

– Не всем везёт, как тебе, – рассудительно замечает Т.А.

Одиннадцать лет прошло после смерти Ахматовой. Тогда, в мартовском Ленинграде, Арсений Александрович выступал на панихиде; слуховая память зафиксировала его надтреснутый, – щербинка с острыми несовпадающими краями, – ни на кого не похожий голос. «Мучительно выталкивал из себя слова...» – это прямо о нём, действительно, глубоко пережившем её кончину. Был он и на отпевании у Николы Морского. Вот откуда:

**И эту тень я проводил в дорогу
Последнюю – к последнему порогу,
И два крыла у тени за спиной,
Как два луча, померкли понемногу...**

С Анной Ахматовой Тарковского сблизил роковой 46-й год, когда после Постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» пошла под нож готовая книга её стихов. Тогда же полагалось всюду искать, «разоблачать и обезвреживать» своих «Зощенко и Ахматову». Поэтому погибла и уже подготовленная к изданию первая книга стихов Тарковского. Он хорошо знал Ахматову в годы официального затмения и полуофициального «воскресения из мертвых».

Она дала ему чисто ахматовскую характеристику:

– Посмотрите на этого человека! Он кладет носовой платок в карман нескомканым!..

Из-за наплыва народа вечер перенесли из Малого зала в Большой. Вёл его Константин Ваншенкин. Он отнёс Ахматову к той категории художников, которые создают вокруг себя мощное магнитное поле. Похвалил администрацию Дома литераторов за то, что отстояла (! – Т.Ж.) вечер от посягательств телевидения. С удовлетворением отметил, что налёт ажиотажа, сенсационности вокруг имени Ахматовой рассеялся.

Тарковский выступал одним из первых.

– Сказать по правде, я боюсь воспоминаний... – так он начал, и я, не на шутку увлекшись этим огнеопасным жанром, по сю пору вижу предостерегающее выражение его глаз. Но так хочется вернуть из небытия хотя бы на миг тени дорогих людей, что переступаешь через табу, мобилизуешь мозг и сердце, листаешь старые записи, подвергая их единственно цензуре немилосердного отбора, склеиваешь выуженные островки живым веществом любви. Не посетуйте на меня, Арсений Александрович и Татьяна Алексеевна!

Тарковский говорил о неприкосновенности личной жизни поэта. Его всегда пугало, когда публиковались письма Пушкина к жене. Если нельзя читать чужие письма, не следует ли из этого, что надо быть осторожным и с воспоминаниями...

Я оглядывала президиум. Согласно кивал головой Алексей Баталов – в пике своей славы. Сопереживала с оратором Маргарита Алигер. Специально приехавшая из Ленинграда Лидия Гинзбург излучала спокойствие человека, великолепно осведомлённого в предмете обсуждения. Несколько особняком держалась Наталия Ильина. Посвечивала лиловой сединой балерина Татьяна Вечеслова. Александр Тышлер и Владимир Медведев олицетворяли собой театральную и книжную жизнь страны с 20-х до 70-х...

Арсений Александрович уже перешёл к стихам. Назвал поэтический голос Ахматовой благородным. Способность к гармонии, сказал он, была утеряна символистами и вновь найдена Ахматовой. У неё стихотворение возникает совершенно естественно, как будто его надиктовали. Такое присуще было одному Пушкину. Вот изумительное ахматовское четверостишие... (Тарковский прочёл «И дикой свежестью и силой / Мне счастье веяло в лицо, / Как будто друг, от века милый, / Выходил со мною на крыльцо»). А потом читал своё: «Я кончил книгу и поставил точку...», «Когда у Николы Морского...», «Домой, домой, домой...», «По льду, по снегу, по жасмину...» и, наконец, «И эту тень...»

На обратном пути в Переделкино Татьяна Алексеевна критиковала мужа: слишком много говорил и читал, заткнул рот Эмме Герштейн... Мы с Марком тщетно пытались восстановить справедливость. Защитил себя сам обвиняемый:

– Почему же заткнул? Герштейн и не собиралась выступать. Слишком много воспоминаний – трудно выбрать...

Поладили они на том, что нашли общего козла отпущения. Из стройного хора выступавших выбивался один из докладчиков. Темные

очки. Неприятная манера раскрывать личную жизнь великих. Он уличал в ошибках Виктора Максимовича (полуоборот Т.А. в мою сторону), Д. Максимова! Споры нет, в руках у него уникальный материал, но распорядился он им не по-хозяйски. (Обращение к сфере личных отношений Ахматовой, пусть даже и научно обоснованное, казалось кощунством, потому что она оставалась для обоих ещё живым человеком).

Переделкинский ужин мы, понятное дело, пропустили, но в холле, на подносе, стояли накрытые тарелками четыре порции – для Тарковских, Марка Максимова и меня.

Перед сном я попросила у Тарковского весь ахматовский цикл, и он дал мне свои стихи, целую тетрадь, на подержание, даже не сказав на сколько. Благо мы жили визави в конце длинного узкого коридора писательского общежития, облагоустроенного красивым названием. Раз три, приехав на полный срок в дом творчества, я попадала в одну и ту же комнату № 47. Помещение было неважное, смахивало на узкий гроб, правда, под высокой крышкой. То, что напротив, в таком же 48-м, почти постоянно жил Арсений Александрович, а рядом с ним или через две стены от него стучала на машинке Татьяна Алексеевна, сбивало спесь. Ну уж если Тарковские...

Я не задержала стихов. Прочла в ту же ночь, переписала для себя самые пронзительные. Да, их надо читать глазами. Там, на вечере, я больше вслушивалась в модуляции голоса поэта, страдала вместе с ним, потому что он читал свои стихи, страдая... А смысл? Такой прихотливый, такой пугающе-трезвый смысл тогда ускользал от меня, и, наверное, не от меня одной.

**... Что, если память вне земных условий
Бессильна день восстановить в ночи?
Что, если тень, покинув землю, в слове
Не ждёт¹ бессмертья?
Сердце, замолчи,
Не лги, глотни еще немного крови,
Благослови рассветные лучи.**

После одного разговора (речь о нём впереди) я стала считать А.Т. горячо верующим христианином. В этом качестве он интересовал меня не меньше, чем поэт. Но ведь христиане, насколько мне известно, верят

1. В книге «Белый день» (М., «Эксмо-Пресс», «Яуза», 1998) напечатано не «ждет», а «пьет». Оставляю, как было в рукописи.

в жизнь вечную. Даже Пушкин, о вере и безверии которого было столько споров, писал, что «душа в заветной лире мой прах переживёт и тленья убежит», а в этом заключительном стихотворении ахматовского цикла поставлены под сомнение и жажда бессмертья в слове, и сама посмертная память.

Напрямую задать А.Т. свои вопросы я стеснялась. Вот, подумает, дурочка, а еще племянница Виктора Максимовича! Понадобилось почти двадцать лет, чтобы, работая над книгой «Библия и русская поэзия», я осознала, что сомнения и метания едва ли не самого философского поэта нашего времени Арсения Тарковского разделяли Державин и Боратынский, Лермонтов и Блок.

Но в такие тёмные и глубокие воды ныряла я не часто. Обычно, сделав скромную ежедневную дозу литературной работы, прогулявшись после обеда, во второй половине дня и только по приглашению заходила одна или с дочкой в комнату Арсения Александровича Боже! Чего тут только не было! Вазочки, шкатулки, картинки на стенах, сухие цветы, альбомы, расписной пузатый чайник, коробки с таинственными наполнителями. Всё это напоминало мне почему-то «Игрушечную лавку» Герберта Уэллса – есть у него такой рассказ. Когда через десяток лет (Тарковские уже перебрались в Дом ветеранов кино в Матвеевском) я за какой-то надобностью заглянула в № 48 к новому постояльцу, голизна стен и казённость обстановки тяжело ударили по сердцу. Всё прекрасное исчезло, будто и не бывало. Точно как в том фантастическом рассказе.

Тарковский нежно относился к моей дочери Саше. Было ей тогда 12 лет. Как-то раз мы наперебой принялись рассказывать ему, что решили остричь Сашины длинные косы, очень нравившиеся ему.

– Надоело заплетать... Сейчас модны короткие стрижки... Волосы мы сохраним... Оставим на память...

– Да, это очень важно, – откликнулся хозяин. – Можно будет сделать из них... бороду и усы.

В другой раз он поинтересовался, долго ли растут девочки. Не будет ли Саша, или, как он её называл, Александра Павловна, слишком высокой?

– Я всегда мечтал быть высоким. Но у меня ничего не получилось.

– Зато вы красивый, – утешила его девочка.

– Ну какой я красивый! Старый, дряхлый и плешивый...

Узнав, что у нас дома живет кошка, Арсений Александрович поделился с нами детским воспоминанием. Однажды он свою любимую

кошку... подоил в чайную ложечку. И попробовал молоко.

– Какое оно на вкус? – загорелась Саша.

– Солёненькое...

Взаимная симпатия А.Т. и моей дочери увенчалась таким образом. Она подарила ему свое фото, где изображена в балетной пачке, покрытая, как святая Инесса, еще не остриженными волосами. А он дал согласие ответить на вопросы её школьного дневника. Ответы, по счастью, сохранились.

1. Как тебя зовут? В каком классе и в какой школе ты учишься?

– Арсений Тарковский, класса нет и школы, увы, нет.

2. С кем ты дружишь?

– Мои друзья – девочка Уля Огородникова (7 лет) и Александра Павловна, она же Сашенька.

3. Цель твоей жизни?

– Моя цель жизни – достичь такого могущества, чтобы никто не имел права шлёпать меня, ставить в угол и, вместо троек, писать у меня в дневнике двойки.

4. Твой идеал?

– Возраст: лет 12. Длинная. Худенькая. Рогатая. Зовут Сашенькой.

5. Кем ты собираешься стать?

– Покойником, довольно терпеливым.

6. Чего ты желаешь хозяйке дневника?

– Счастья, здоровья, колоссального богатства и, кроме всего этого, полнейшего исполнения всех желаний. И ещё – иметь лошадь или хотя бы ослика и очень хорошую и умную собаку.

7. Какой у тебя характер?

– Очень плохой.

8. Кто твой любимый поэт?

– Пушкин и еще несколько не-Пушкиных.

9. Как ты относишься к поп-музыке?

– Поп-музыки не люблю, а хорошую музыку люблю, даже если она современная.

10. В каком кружке ты состоишь?

– В очень тесном кружке.

11. Твое хобби?

– Мое хобби даже не совсем хобби: музыка, астрономия, чтение книг по археологии, расшифровка древней письменности, стирка трусов и носовых платков. Глажение утюгом двух последних предметов одежды.

12. Любишь ли ты танцевать?

– Люблю, но у меня это плохо получается, хотя я стараюсь делать это, как Анна Павлова. Сносно у меня получается только «Умирающий лебедь» Сен-Санса.

13. Твоя любимая игра?

– Выборы Бюро секции переводчиков в Союзе писателей.

14. Твое любимое занятие?

– Читать в постели, что очень вредно.

15. Твое любимое блюдо?

– Пудинг с собайоном.

16. Когда ты родился?

– Очень давно: не успело пройти восьми лет с начала нынешнего века, как мой папа сказал: «Посмотрите, у нас что-то родилось новенькое!»

С глубоким уважением к хозяйке дневника – АТ (подпись).

В конце апреля Александр Межиров привез в Переделкино на встречу с Тарковским свой семинар с Высших литературных курсов. «Игрушечная лавка» не вместила бы всех приехавших – встречу перенесли в Красный уголок в помещении конторы, на второй этаж. Тарковский взбирался по лестнице с большим трудом. Весна ещё не вошла в полную силу, рамы не выставляли. Между стёклами бился и жужжал крупный шмель. А.Т. сразу обратил на него внимание. Сначала своей палкой, потом линейкой попытался достать его. Оповестил всех присутствующих:

– Самое важное сейчас – спасти шмеля...

Некий великовозрастный литературный птенец, отогнув гвоздик, высадил раму, и шмель улетел на свободу...

– У-у-х! – облегченно вздохнул А.Т.

Межиров – только что с очередного писательского пленума, – по собственному признанию, повторил сказанное им в большой аудитории: сроки созревания поэта и внешние условия не всегда совпадают. Вспоминал Сквороду: «Старость – это награда». Цитировал Самойлова: «Спасибо тем, кто нам мешал, / И слава тем, кто сам решал, / Кому не помогали».

Все это было преамбулой к чтению Тарковского. Читал он много – сидя, по тетради. Нервична была его правая нога, и тем каменнее, неподвижнее выглядела левая – протез, доставлявший ему великие муки. Особенно запомнились мне «Жили-были» (Межиров тут же громогласно выразил свой восторг): «Тот жил и умер, та жила / И

умерла, и эти жили / И умерли; к одной могиле / Другая плотно прилегла.
/ Земля прозрачнее стекла, / И видно в ней, кого убили / И кто убил: на
мертвой пыли / Горит печать добра и зла...» (не знаю лучшего, более
естественного и виртуозного сонета в современной поэзии – Т.Ж.), «В
магазине меня обсчитали...» (редкий у Тарковского чисто бытовой
зачин), «Просыпается тело...» О последнем – отдельно. Оно – об
отречении апостола Петра...

Однажды я засиделась у Тарковских до позднего вечера, потому
что он был в ударе, Т.А. в добром расположении духа, и беседа текла в
самом желательном для меня направлении. У меня был с собой журнал
«Америка», где шла дискуссия о человеческом мозге: что он такое –
просто центральный отдел нервной системы или генераторная лампа,
преобразующая в энергию мысли некую высшую духовную энергию?

Асений Александрович и Татьяна Алексеевна, к моей радости,
оказались «идеалистами». Рассказывали: недавно в подмосковном
Пущине они беседовали с замдиректора Института белка. На их вопрос
о моменте перехода неорганической материи в органическую и далее
– в мыслящую органическую он ответил примерно так... Теоретически
возникновение органической жизни и её высшей формы не
исключается, но практически равно нулю. Если телевизор разобрать на
лом, сложить в мешок и бросить на свалку, сколько шансов, что части
сами собой организуются в нечто целое, образуют прежнее единство?

Прежнее Единство – другое название Бога, я его больше не
встречала. О Боге запредельном, ветхозаветном не говорили. Разговор
перекинулся на Христа и его учеников, на «роковой треугольник»:
Тиберий, Христос, Пилат. Пилат хотел отпустить Христа, но разве
Тиберий, удачливый организатор Тайной полиции, мог смириться с
заявлением «Иисус – Царь иудейский?» Почему-то А.Т. был уверен,
что и Иисус Христос был «царем» в Кумранской общине, и Предтеча,
Иоанн Креститель, – именно там были приняты омовения, общая
трапеза. А я была слишком мало подготовлена, чтобы это опровергать.
Да и зачем?! О Христе он говорил, как о реальном человеке, горячо,
заинтересованно, о поведении Его учеников – сокрушаясь сердцем.
Апостол Пётр, как известно, трижды отрёкся от Христа, пока не пропел
петух. Не забудем всё же, что Пётр вместе с Иоанном, чуть поотстав,
сопровождали стражу, когда другие ученики разбежались.

Не знаю, как воспринял стихотворение о Петре межировский
семинар, – написанное за полгода до нашей беседы, оно было и остаётся
для меня яркой кометой, с таким же ярким хвостом – комментарием.

Слышу в нём интонации автора. Отношу к разряду исповеднических.

**Просыпается тело,
Напрягается слух.
Ночь дошла до предела,
Крикнул третий петух.
Сел старик на кровати,
Заскрипела кровать.
Было так при Пилате,
Что теперь вспоминать.
И какая досада
Сердце точит с утра?
И на что это надо –
Горевать за Петра?
Кто всего мне дороже,
Всех желаннее мне?
В эту ночь от кого же
Я отрёкся во сне?
Крик идёт петушинный
В первой утренней мгле
Через горы-долины
По широкой земле.**

Это, конечно, сказано о себе. От кого же отрёкся автор и почему
это так его мучило? Можно строить любые предположения,
подставлять разные имена, от Христа до тех женских и мужских, что
введены в орбиту поэта, всё равно занятие это праздное. И
нецеломудренное. Тарковский вовсе не хотел, чтобы его
расшифровывали. Иначе не написал бы за десять лет до того: «Мне бы
только теперь до конца не раскрыться...»

Хочется успокоить поэта: его тайна не раскрыта, хоть и выпущена
им на волю, доверена всей земле, если не всей вселенной.

Мне кажется, отстранение от сугубой конкретности, желание не
посягать на прикровенную тайну бытия и отдельного человеческого
существования роднит творения Тарковского-отца и Тарковского-сына,
в другом жанре, другими художественными средствами
подтвердившего свое двойное сыновство: кровное и религиозное.

На том памятном мне семинаре Арсений Александрович не только
говорил, развёртывая свиток своей жизни, но и слушал. Звучали имена
новых поэтов, Межиров увлечённо читал строки Юрия Кузнецова об
ошибочно выбранном историческом пути, о страшной подмене,
которую тогда, в конце 70-х, мог не заметить только слепой: вместо

рельсов под колесами движущегося состава оказались... змеи. Стихи – «ужастики» еще только входили в моду, и на меня, например, сильное впечатление производили кузнецовские строки: «Но колёса всего эшелона / На змеиные спины сошли».

А.Т., однако, не клюнул на приманку. Признавая «физиологическую» (так и сказал) одаренность поэтов «патриотического» направления, он отвергал идею русского мессианства (как и любого другого: марксистского, немецкого, еврейского), сетовал, что прервалась связь времён, предупреждал, что экспрессионизм часто ведёт к фашизму.

– Ничего более мрачного я не читал в своей жизни! – сказал он мне, возвращая книгу одного «гения» из недр народных, привезённую мной из Москвы.

Он пытался спасти не только шмеля, но и культуру – в поэзии, в слове, в отношении к женщине.

– Тушить окурки о тело своей любимой... Бр-р-р, – содрогнулся он, как от боли.

– Да кто так делает, Арсений Александрович?

– Я слышал, мне говорили...

О «принципиальном бескультурьи» вёл речь не раз...

– Ну, сел на своего конька! – отмахивалась Татьяна Алексеевна. При всех своих неувядающих статьях, она тоже служила культуре. «Почтовая лошадь просвещения» как нельзя лучше подходило супруге А.Т., хотя вряд ли ей польстило бы это пушкинское определение. И днем и вечером стрекотала пишущая машинка в ее комнате. Той весной Т.А. Озерская переводила «Унесенных ветром» американки Митчел.

К 70-летию я подарила А.А. кожаную шкатулку для носовых платков со стихами, где были такие строки: «Пока жену уносит ветер, / Который Митчел подняла, / Кто, неизменно свеж и светел, / Сверхает женские дела?»

Супруги благосклонно приняли мою шутку.

– А как он натирает полы! – воскликнула Т.А., милостиво присовокупляя к стирке и глажке платков-трусов и чисто мужское занятие.

Между Татьяной Алексеевной и мной завязалась что-то похожее на дружбу. По вечерам А.Т. редко выходил на прогулку. Прохаживались по слабо освещенным дорожкам и вокруг дома мы одни. Она рассказывала о себе. Из дворянского рода. Дочь офицера. Старший брат – один из первых российских пилотов, летал на самолете «Русский витязь» и погиб, – это была незаживающая рана... После революции

одно время работала трамвайной стрелочницей, мёрзла. Потом – машинисткой. Окончила Институт иностранных языков. Участвовала в составлении словарей. Мика Морозов дал ей перевести отрывок из «Саги о Форсайтах», и её сразу приняли на второй курс Литературного института.

Что бы ни приписывала ей литературная молва, она была Арсению Александровичу подходящей парой. Он любил сильных женщин. Т.А. посвящены его страстные стихи:

**... Мне-то ведомо, какою –
Ночью темной, без огня,
Мне-то ведомо, какою
Неспокойной, молодою
Ты бываешь без меня.
...Был и я когда-то молод.
Ты пришла из тех ночей.
Был и я когда-то молод,
Мне понятен душный холод,
Вешний лёд в крови твоей.**

Как радовалась она, когда поэт Павел Хмара привёз журнал «Крокодил» с «поселковой повестью» А.Т. «Чудо со щеглом»!

– Вы знаете, Тамара, какой тираж у «Крокодила?»

– Миллона два?

– Арсюша, слышишь: она говорит «два миллиона». Не два, а восемь! – и сияет так, как будто муж получил госпремию. (Он и получил её – но посмертно).

У них были разные кошельки, разумеется, условно, но им это нравилось, давало, к примеру, возможность делать друг другу подарки...

Прежде чем расстаться с Тарковскими, хочу привести отрывочные записи из моего дневника за апрель–май 1977 года.

... Гуляли после дождя. А.Т. высматривал в траве водосбор – сильно разрезанные листики, присобранные в манжетку, на которых серебрились капли дождя. Нагибаться с палкой ему трудно. Я сорвала такое растение, поднесла к его лицу, и он блаженно втянул капельку. В благодарность наломал мне веток с пушистыми «цыплятами», вспоминал о бедствиях в Елисаветграде, когда у его семьи отняли всё, – остались одни матрацы и лира из воловьих рогов. Мать послала его к приятельнице взять денег в долг – для мальчика тяжелая просьба. И вдруг он нашёл портмоне, набитое деньгами! Мать заставила его

написать 30 объявлений о находке и расклеить по городу. Владелец не объявился. Жили на найденные деньги.

... Ездил с Тарковскими в Одинцово покупать Арсению Александровичу джинсовый костюм. Купили. Он страшно доволен.

... Первого мая старая дама с неизжитыми комсомольско-молодежными замашками ласково мурлычет в ухо А.Т.:

– Почему вы не смотрите по ТВ парад?

– Знаете, я предпочитаю другие наслаждения в жизни.

... Рассказывал о встрече с поэтом Александром Жаровым, который покровительственным голосом говорил ему: «Поздравляю тебя, Арсений...» – «С чем?» – «Ну, у тебя все так успешно складывается в последнее время...»

– Фу! Мне даже нехорошо стало. Вы знаете, кто он? Консультант КГБ по поэзии. Боюсь, похвалил меня не к добру...

И тут же, посмеиваясь над самим собой, придав лицу притворно-смирненное выражение:

– Мы – зайчики...

... С большим уважением говорит о польском Доминиканском монастыре, где недавно побывал. Колоссальная библиотека. Словари, энциклопедии. Там ему рассказали, как высший католический чин принимал одно духовное лицо из-за границы. Сидели за отлично сервированным столом, ели из серебра и хрусталя какую-то хреновину. На вопрос «почему?» последовал ответ:

– Я ем то, что ест мой народ.

Причину крепости католицизма в Польше А.Т. видит в том, что церковь там всегда была с народом. В России, как правило, нет. Исключений немного. Таким исключением был патриарх Тихон.

... – Когда ко мне приезжает дочка, мне хочется покормить её, уложить спать, рассказать сказку, как маленькой.

... У А.А. несколько иное чувство юмора, чем у нас. Узнав, что мой муж Павел работает в журнале «Советская женщина», он развеселился:

– Работает в «Советской женщине?» Ха-ха-ха.

Любившая молодых мужчин, Т.А. обиделась за Павла:

– Не понимаю, что тут смешного!

– Как ты не понимаешь? Павел знает, что делать с советской женщиной. В ней надо работать. Ха-ха-ха.

... Много рассказывал о Блоке.

– Я его очень любил, но теперь он мне всё меньше нужен.

В числе немногих А.Т. хоронил в Ленинграде Любовь Дмитриевну. Её живую описывает с юмором: величиной со шкаф или комод, красное лицо в белых узелках... Тогда на кладбище заглянул в могилу: вода стояла в яме. Брат Л.Д. стал доказывать, что хоронят не Блок, а Менделееву («Блокам мы её не отдадим!»). Её воспоминания считает ужасными. Мне – строго:

– Вам нельзя их читать!

О Марине Цветаевой.

... Как-то А.Т. навестил её дома. Жила она тогда, кажется, в Телеграфном переулке. М.Ц. сидела на полу над листом газеты и счищала грязь с дорожных, на толстой подошве, туфель. Сказала, что ходила в этих туфлях по Парижу, это парижская грязь, она её соберёт и будет носить в ладанке на шее.

... А.Т. ездил с ней в Тарусу к старшей сестре Валерии (Лере). М.Ц. послала его на разведку. Лера мыла пол шваброй. Вот её слова: «Передайте ей, что, если она сейчас же не уберётся, я её этой шваброй смажу».

... Мур допекал её, что вернулись. Он был полный, обрюзгший, ходил в коротких штанах, то ли подросток, то ли мужчина. Она ему жарила без конца яичницу (съедал за раз по десять яиц) и стирала рубашки.

... После начала войны была настроена пессимистически. Видела, как немцы прошли по Франции и Чехии. Думала, то же будет с Россией.

... Подарила Тарковскому носовой платочек, а его жене (А. А. Бохоновой – Т.Ж.) малахитовые бусы. Та была уверена, что Марина заговорила их и поэтому они её душат...

В Чистопольской тетради Тарковского не случайно, думаю, упоминается «платочек»: «А всё платочек комкаешь кровавый». Имя Марины названо только в последнем, X стихотворении. Весь цикл, в особенности же VIII стихотворение, – крик души:

**Я не ревную к моему врагу,
Я не страшусь твоей недоброй славой,
Кляни меня, замучь, но – Боже правый! –
Любить тебя в обиде не могу.**

Цветаева обиделась на Тарковского за то, что он (в стихах, конечно) «накрыл стол на шестерых», забыв её, седьмую. В «Осколках зеркала» М. Тарковская объяснила всю неправомерность этой обиды: «Как-то в гостях, в присутствии Марины Ивановны, папа прочел свое «балладное» стихотворение «Стол накрыт на шестерых...», обращённое к дорогим теням – к умершим отцу, брату, любимой. Папа написал его 30 июля 1940 года, за несколько дней до годовщины смерти его Дамы, женщины в «немодных синих шелках», которую он «горше всех любил» и которой посвятил около двадцати стихотворений, в том числе и «Первые свидания».

Как следует из приведенного выше четверостишия, «в обиде» любить М.Ц. он не мог...

Десять лет прошло после нашего совместного пребывания в Переделкине. История переломилась. Я написала верлибр к 80-летию Арсения Александровича.

«В день Вашего юбилея / (а Вам всегда будет тридцать) / с одной небольшой компанией/ я забрела к Вам на дачу²./ Конечно, она пустовала, / ведь Вы тут почти не живёте,/ приезжали на съемки, как мне рассказали, / но длились они недолго. / Что сняли телевизионщики?/ Общее захламление? / Ваш холодильник «Север» / в глубине застеклённой террасы? / Или сад, сырой, неухоженный, / но обдающий свежестью, / как ветка жасмина, что высунулась / из пышного зеленого рукава? / Чем больше общество занято / борьбой хорошего с лучшим, / а также плохого с худшим, / экономическими проблемами, / идеологическими пробелами, / искоренением пьянства, / «Памятью» на грани беспамятства, / диалогом двух формаций, / ремонтом подземных коммуникаций, / который никогда не кончается, / тем больше оно нуждается/ в таком как Вы, поэте. / Сложном, как сложно все сущее, / от атома до универсума, / упорно держащемся за понятия, / поставленные под сомнение: / День творенья, душа, воздаянье, Страшный суд, / красивом во все возрасты, / воистину созданном/ по образу и подобию.../ Будьте же благословенны и долговечны, / ибо, если мы Вам наскучим / и Вы хлопнете дверью, / обнаружится такой дефицит поэзии, / который может привести к удушью / еще живых».

2. В подмосковном Голицыне.

Летом 87-го вместе с дочерью мы поехали в Матвеевское к Тарковским, повезли не столько мои стихи, сколько лекарство для А.Т. Достал его (тогда это было не просто) детский врач Дмитрий Дегтярев.

Арсений Александрович был какой-то странный, нас или не узнал, или не захотел общаться. Зато Т.А. была сама предупредительность. Усадила его за стол, дала две книги стихов, ручку: «Подпиши!» Он подписал, очень аккуратно, – одну книгу нам, другую Диме.

Т.А. была уверена, что его подкосила смерть Андрея. У неё тоже умер сын. Единственный. Но она держалась. По её совету мы с Сашей решили посмотреть фильм «Дама с камелиями», который демонстрировался в Доме ветеранов кино.

Услышав название, А. А. усмехнулся:

– Дама с камнями? – и больше ни звука...

Отпевали Тарковского в Переделкинской церкви. На Переделкинском кладбище рядом с могилой поэта было оставлено равновеликое место для... мы думали, жены, его неразлучной в течение 40 лет подруги, но в воздухе витало: Андрея... После похорон Т.А. устроила пышные поминки в Дубовом зале ЦДЛ. Пригласила тех, кто действительно был связан с покойным, за начальством не гналась. Была она в торжественном трауре, волосы высоко подняты и гладко причесаны, на лице – строгий макияж. Но моя Саша, которую не забыла позвать внимательная вдова, шепнула мне:

– Она красивая, как Смерть...

Еще раз собрав нас в Георгиевском зале Кремля по случаю получения Тарковским Государственной премии за книгу стихотворений «От юности до старости», Татьяна Алексеевна последовала за Флегетон – реку, опоясывающую Царство мертвых, по зову своего мужа.